

Насмешливое фырканье Цзи Хуая Хан Сиэнь удостоил лишь мимолетным, холодным взглядом.

— Что именно пятый принц хочет этим сказать? — небрежно поинтересовался он.

Цзи Хуай коротко, сухо усмехнулся и ответил с деланным равнодушием:

— Да ничего особенного. Раз зазвучали колокола и барабаны, значит, городские ворота заперты. А за стенами — враг. И тем несчастным, кто остался снаружи, остается уповать лишь на собственное везение. Доживут ли они до тех пор, пока люди генерала Лю придут на выручку? Впрочем, генерал-губернатор Сицзяна по обыкновению должен бы сейчас лично обойти дозоры, чтобы успокоить горожан.

Пограничные гарнизоны Сицзяна стояли лагерем за городом. Звон колоколов и грохот барабанов служили одновременно и тревогой, и призывом о помощи. Вот только к тому времени, как войска стягивались к стенам, кочевники-сизуны обычно успевали забрать добычу и скрыться в степи.

Пограничной армии строго-настрого запрещалось пересекать рубежи государства: любой подобный шаг расценивался бы как прямое объявление войны. Земли Сизуна оставались суровыми и бесплодными, а его дикие племена, гонимые голодом, испокон веков зарились на плодородные угодья Великой Чжоу. Любая междоусобица была им только в радость — ведь в хаосе войны можно было захватить целый город и спастись от бесконечной бескормицы.

В самой же Чжоу, даже когда враг бесчинствовал у порога, столичные чиновники и военачальники затевали бесконечные споры: воевать или мириться? У каждого сословия находились свои доводы и опасения. От этих дебатов у императора раскалывалась голова, а пограничники тем временем не смели ступить за черту без высочайшего соизволения. Им оставалось лишь прогонять налетчиков со своей земли, не смея преследовать их.

Пока в столице созревало окончательное решение, набег успевал сойти на нет. Жители Великой Чжоу превыше всего ценили покой. Стоило границе погрузиться в привычное затишье, как об этих мелких неурядицах тут же забывали.

Со временем и на границе, и в императорском дворце привыкли к подобным стычкам. Разумеется, находились те, в ком зрело глухое недовольство, но всю свою ярость им приходилось таить глубоко в душе.

Хан Сиэнь окинул принца ленивым взглядом из-под полуприкрытых век, и на его губах заиграла едва заметная, холодная усмешка.

— Сдается мне, ваше высочество пытается раззадорить меня, — ровным, леденящим тоном

произнес он. — Хотите столкнуть меня лбом с генерал-губернатором Сицзяна? Неужто моя дурная слава заставляет вас думать, будто я каратель, готовый проливать кровь в любом месте, где окажусь?

Цзи Хуай с трудом подавил вспыхнувший гнев. Справившись с лицом, он развел руками и постарался придать голосу как можно более непринужденный вид:

— Вовсе нет. Я лишь заметил, что наследник Хань мало знаком с делами на границе и явно пребывает в недоумении. Решил поделиться тем, что знаю. Вы ведь привыкли поступать исключительно по собственной прихоти, нимало не заботясь о чужих чувствах. К чему же теперь эти сомнения?

— О том, правы вы или нет, мы оба прекрасно знаем, — отозвался Хан Сиэнь с абсолютным равнодушием. — Верно, я всегда действую в угоду собственному нраву, однако никогда не преступаю законов и уложений. Так что ваши уловки на меня не подействуют. Но если вашему высочеству столь претит происходящее... Что ж, вы — принц крови. И ваше слово весит куда больше, нежели речи простых подданных вроде нас.

«Какая забавная фигура», — подумал Хан Сиэнь.

Пятый принц искренне сострадал несчастным простолюдинам, лишившимся крова и добра, однако сам марать руки не желал. Боялся навлечь на себя недовольство генерал-губернатора и здешних офицеров. Вот и решил разыграть чужими руками беспроигрышную партию.

От последних слов Хан Сиэня лицо Цзи Хуая залило густой краской.

— Наследник Хань утверждает, будто чтит законы, — процедил он сквозь зубы. — Тогда ответьте: неужели в ваших глазах я, пусть и принц, имею право самовольно, без высочайшего указа, отдавать приказы о выдвижении войск?

Хан Сиэнь не спеша подошел к нему почти вплотную. Некоторое время он молча разглядывал собеседника, а затем тихо, пренебрежительно хмыкнул.

Теперь становилось предельно ясно, почему Цзи Хуай раз за разом проигрывал Цзи Ло. Ему отчаянно не хватало твердости. Слишком много нерешительности, слишком мало отваги человека, готового сжечь за собой мосты.

Окажись на его месте Цзи Ло, он бы без колебаний отдал приказ прогнать облагавших налетчиков. Да, трусливые столичные министры исходили бы желчью и обвиняли его в безрассудстве, зато сам государь остался бы доволен.

Цзи Хуай же слишком пекся о чужом мнении. Он жаждал одобрения императора, оглядывался на придворных вельмож и заискивал перед приграничными военачальниками. Вот только

сейчас он был никем. И какая польза от хорошего отношения генералов, которые и без того повязаны со столичными кликами? Ни один здравомыслящий человек не станет ставить на бесправного, безвластного принца.

Хан Сиэнь лишь снисходительно хмыкнул своим мыслям. Развернувшись к замершим неподалеку стражникам, он ровным голосом скомандовал:

— Соберите всех людей, что прибыли с нами из столицы. Пойдем к крепостной стене, поглядим на это представление.

Их эскорт насчитывал чуть больше тысячи гвардейцев. Против многотысячной армии Сижунa — капля в море, но для наведения порядка этого вполне хватало.

Охрана немедленно бросилась исполнять приказ. Не удостоив даже взгляда побледневшего от ярости Цзи Хуая, Хан Сиэнь неторопливо направился к выходу.

Бай Шу поспешил за ним.

— На стене может быть опасно, — негромко предупредил он, поравнявшись с юношей. — Кочевники горазды стрелять из луков. Будь осторожен.

Хан Сиэнь уже собирался небрежно кивнуть, как вдруг спутник добавил:

— Впрочем, тебе не о чем беспокоиться. Я тебя защищу.

В его голосе звучала неподдельная серьезность и странная, почти детская радость. Перед глазами Хан Сиэня тут же всплыла картина их прошлого столкновения: израненные пальцы Бай Шу, тяжелые капли крови, стекающие в дорожную грязь и окрашивающие дождевые лужи в багровый цвет.

На сердце внезапно стало тяжело. Промолчав, Хан Сиэнь лишь ускорил шаг. Юноша неотступно следовал за ним, ловя каждое его движение.

Их временная резиденция располагалась довольно далеко от крепостных укреплений. Для Хан Сиэня приготовили паланкин — всем было известно, что наследник дома Хань совершенно не умеет держаться в седле. Однако у самого крыльца их уже ждал Бай Шу, державший под уздцы крупного боевого коня.

— Поедем вместе, — твердо сказал он.

Не давая Хан Сиэню времени возразить, он легко взлетел в седло, а затем сильным движением увлек юношу следом за собой. Ощувив, как напряглось чужое тело, Бай Шу негромко шепнул

ему на ухо:

— Не бойся, я тебя не уроню.

Хан Сиэнь лишь прищурился, устремив взгляд на расстилающуюся впереди дорогу, но не проронил ни слова.

Убедившись, что отряд готов к выступлению, Бай Шу пустил коня рысью. Он искренне верил, что за внешней холодностью Хан Сиэня скрывается мягкая и ранимая душа. Тот мог сколько угодно притворяться равнодушным, но в глубине сердца наверняка переживал за несчастных людей у ворот.

Паланкин непозволительно замедлил бы их путь. А поскольку сам наследник скакать не умел — да и вряд ли кто-то другой осмелился бы посадить грозного вельможу в свое седло, — Бай Шу без лишних раздумий взял это на себя.

Тело Хан Сиэня оставалось натянутым как струна. Подставляя лицо порывам холодного ветра, он отрешенно думал: с чего вообще этот парень взял, будто он мягкосердечный и сострадательный? Нелепость, да и только.

На улицах Заставы Небесных Врат царило обманчивое спокойствие. Людей здесь было заметно меньше, чем в мирное время, однако город вовсе не выглядел вымершим. Прохожие с нескрываемым изумлением провожали взглядами странную пару: уродливого столичного наследника в неизменной маске, делящего одно седло с молодым инструктором. Слухи о грозном императорском инспекторе уже успели разлететься по окраинам, и теперь горожане гадали, что же задумал этот столичный гость.

«Что я задумал?» — мысленно усмехнулся Хан Сиэнь.

Больше всего на свете ему сейчас хотелось кого-нибудь убить.

Добравшись до ворот, Бай Шу первым соскочил на землю и помог спуститься Хан Сиэню. Тот двигался неловко и неумело, явно непривычный к верховой езде, но ни один из стоявших рядом солдат не посмел даже улыбнуться.

Завидев на крепостной стене характерную маску Хан Сиэня, генерал-губернатор Чжао Вэнь болезненно поморщился. Этот чиновник средних лет давно вел хитрую игру, надеясь удержаться на своей теплой должности еще пару лет, чтобы затем с почестями уйти на покой и вернуться в родные края богатым человеком.

Весть о прибытии Хан Сиэня в Сицзян повергла его в трепет. Литераторы и чиновники по

природе своей трусливы, а Хан Сиэнь прославился на всю Поднебесную как беспощадный палач, разоряющий благородные дома один за другим.

К счастью для Чжао Вэня, по прибытии столичный гость прямиком направился в военный лагерь, полностью проигнорировав гражданские власти. И пусть это уязвляло гордость генерал-губернатора, в глубине души он вздохнул с облегчением.

Однако с самого утра, стоило у стен показаться дикарям-сизунам, у Чжао Вэня непрерывно дергалось веко. Он никак не мог понять, откуда берется это дурное предчувствие. Но теперь, завидев приближающегося Хан Сиэня, он наконец все осознал.

Его тело подавало верный знак: к нему шел настоящий вестник беды.

Подавив внутреннюю тревогу, Чжао Вэнь торопливо спустился навстречу гостям, чтобы лично проводить Хан Сиэня и пятого принца на смотровую площадку. Позади императорского инспектора тенью следовал Бай Шу. Губернатор мимоходом скользнул по нему взглядом — лицо юноши показалось смутно знакомым, но сейчас было не до этого.

С высоты надвратной башни открывался бескрайний, сиротливый вид. Равнина перед Заставой Небесных Врат расстилалась на три стороны — идеальное место для конницы кочевников, дарующее им полную свободу маневра и легкие пути для отступления.

В мирные годы, когда вражда между государствами утихала, здесь велась оживленная меновая торговля. Суровые сизуны везли превосходные пушные шкуры, которые выменивали у местных жителей на зерно.

Но сейчас внизу разворачивалась совсем иная картина. Группа подданных Великой Чжоу в панике бежала к спасительным стенам. По пятам за ними летели всадники в чужеземных одеждах. Оглашая воздух дикими криками, сизуны пускали в ход арканы, без труда вылавливая тех, кто отстал от общей толпы. Тех же, кто умудрялся оторваться от погони, безжалостно ранили стрелами в ноги, оставляя истекать кровью на сырой земле.

Иногда степняки уводили пленников с собой, чтобы позже потребовать от их семей выкуп серебром или продовольствием. Сейчас несчастным было не до нажитого добра — спасти бы жизнь. Беглецы понимали: нужно лишь дотянуть до крепостных ворот и дожидаться подмоги из гарнизона. Тогда они спасены.

Хан Сиэнь презрительно прищурился.

— Откройте ворота, — небрежно бросил он.

Чжао Вэнь опешил, не веря собственным ушам:

— Что вы сказали?

Коснувшись пальцами холодной поверхности маски, Хан Сиэнь повторил ледяным тоном, от которого мороз пошел по коже:

— Я сказал: откройте городские ворота.

Усы Чжао Вэня задрожали от возмущения. Он решительно замотал головой:

— Недопустимо! В городе тысячи мирных жителей! Если мы распахнем ворота и дикари прорвутся внутрь, кто ответит за последствия?

Хан Сиэнь наконец удостоил губернатора прямым взглядом.

— А вы забавный чиновник, — с издевкой произнес он. — Под стенами едва наберется пара сотен кочевников. Внутри крепости стоит трехтысячный гарнизон. И при всем этом вы покорно запираетесь изнутри, ожидая, пока внешние полки явятся вас выручать? Назвать вас трусом — значит отвесить вам незаслуженный комплимент.

— Вы... — Чжао Вэнь побагровел от столь явного оскорбления при подчиненных. Тряхнув широкими рукавами халата, он злобно бросил: — Я служу в Сицзяне не первый год и никогда не выказывал малодушия! Но эти ворота — ключевой узел обороны империи. За стенами — наши люди, но и в городе — тоже наши подданные! Если крепость падет, кто ответит за это перед троном?

— Падение крепости? — Хан Сиэнь искренне рассмеялся, хотя смех этот звучал зловеще. — Неужели в ваших глазах армия Великой Чжоу настолько ничтожна, что жалкая горстка степных разбойников способна захватить укрепленный город?

Чжао Вэнь попытался было возразить, но Хан Сиэнь лениво поднял руку, пресекая любые споры:

— Довольно. Я прекрасно понял вашу суть. Вы слишком дорожите своей шкурой, чтобы явить врагу силу. Что ж, у меня смелости хватит. Приказ открыть ворота исходит лично от меня, императорского инспектора. Случись что — вся полнота ответственности ляжет на мою голову. И не заставляйте меня повторять в четвертый раз. Отпирайте ворота. Здешним солдатам даже не придется обнажать мечи. Стойте и смотрите, как столичная гвардия справится с этой задачей без вашей помощи.

От его вкрадчивого, сонного голоса веяло такой скрытой угрозой, что генерал-губернатор оцепенел. Воспользовавшись этой паузой, Бай Шу шагнул к краю парапета и зычно прокричал вниз:

— Слушай мою команду! По приказу наследника — открыть ворота!

Столичные гвардейцы подчинялись исключительно Хан Сиэню. Раз местные трусили, они сами навалились на тяжелые засовы. Эти воины не нюхали порошу на полях настоящих сражений, но выправки и стати им было не занимать.

Когда кованые створки с натужным скрежетом поползли в стороны, на равнине воцарилась внезапная тишина. Кочевники замерли в явном замешательстве — они никак не ожидали, что вечно запертая крепость вдруг распахнет перед ними пасть.

Один из пленников, судя по всему, переметнувшийся на сторону врага, поспешно указал своему предводителю — рослому степняку на великолепном скакуне — на зубчатую стену и принялся что-то возбужденно объяснять, активно жестикулируя.

Великан в седле прищурился, вглядываясь в очертания надвратной башни. Заметив фигуру Хан Сиэня, он взмахом руки велел своим людям остановиться, а сам неторопливо направил коня вперед.

Остановившись на расстоянии полета стрелы от столичных гвардейцев, всадник задрал голову. Лицо его почти полностью скрывала дикая, всклокоченная борода. Мускулистый торс кочевника был обнажен, а на груди красовался уродливый, старый шрам от сабельного удара.

— Дикари... Сущие звери, — брезгливо забормотал у себя под носом Чжао Вэнь.

В этот миг степняк резким движением выхватил из колчана стрелу, натянул тетиву тяжелого лука и выстрелил прямо в Хан Сиэня. Свист рассекаемого воздуха потонул в его издевательском, громоподобном хохоте:

— До наших краев дошел слух, будто трусливый император Великой Чжоу прислал сюда уродца, который боится показать свое лицо людям! Что ж, давай поглядим, так ли ты страшен, как о тебе болтают!

Хан Сиэнь даже не шелохнулся. Он продолжал стоять у парапета с прежней ленивой грацией, глядя на летящую прямо в него смерть.

Когда наконечник был уже в нескольких цунях от лица юноши, в воздухе мелькнула рука Бай Шу — пальцы молодого мастера мертвой хваткой перехватили древко стрелы. Секундное усилие, и сухое дерево с треском переломилось пополам. Обломки беззвучно упали к подножию стены.

В этот момент с запада донесся нарастающий гул — к городу спешила конница приграничной армии. Однако предводитель кочевников даже не вздрогнул. Окинув Хан Сиэня и его защитника внимательным, оценивающим взглядом, он ухмыльнулся:

— Ну что ж, господин императорский инспектор, земля круглая. Мы еще встретимся.

Он не спеша развернул коня и лениво взмахнул рукой. По этому знаку степняки мгновенно растворились в бескрайней равнине, уходя от преследования подоспевшего авангарда. Перед тем как окончательно скрыться в клубах пыли, вожак еще раз оглянулся на замершую на стене фигуру в маске.

Когда великий генерал Бай Вэньхань во главе основных сил наконец достиг Заставы Небесных Врат, уцелевшие горожане уже медленно тянулись под защиту крепостных стен. Ворота были распахнуты настежь. Пострадавшие отделались легкими ранами — все остались живы, и даже их скромные пожитки уцелели.

Взглянув на застывших у входа столичных гвардейцев, военачальник сразу понял, кто именно навел здесь порядок. Щеки его опалило жаром стыда. Справившись с собой, он спешился и громко спросил:

— Где наследник Хань?

Один из столичных стражников почтительно поклонился:

— Его светлость изволил заметить, что это зрелище навевает на него скуку, и отбыл в резиденцию генерал-губернатора Сицзяна.

<http://bllate.org/book/20088/2002079>